А. С. МЫЛЬНИКОВ

ИОАХИМ ШТЕРНБЕРГ И ЧЕШСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К „ПУТЕШЕСТВИЮ“ РАДИЩЕВА

Любые, даже незначительные на первый взгляд детали, так или иначе связанные с распространением идей «Путешествия из Петербурга в Москву» не только в русской, но и в зарубежной читательской среде XVIII в., заслуживают собирания, учета и осмысления в контексте всего, что ныне известно о творческой биографии А. Н. Радищева.

В этой связи в поле зрения исследователей, занимающихся проблемами идейного воздействия А. Н. Радищева на современников, следовало бы включить научно-литературную деятельность чешского путешественника графа Иоахима Штернберга (1755—1808), побывавшего в России в 1792—1793 гг. Непосредственным итогом поездки были две книги — «Путешествие из Москвы через Софию в Кенигсберг» [1] и «Замечания о России на основании путешествия, предпринятого в 1792 и 1793 гг.»,[2] а также серия писем, из которых одно, датированное 26 марта 1793 г., опубликовал тогда же чешский просветитель медик Ян Майер.[3] Сочинения И. Штернберга давно обратили на себя внимание исследователей своей необычайно глубокой, хотя и не лишенной фактических ошибок и некоторой односторонности характеристикой экономического, социального, политического и культурного положения России на исходе правления Екатерины II.[4] Обратили прежде всего

---

[1] *Sternberg J.* Reise von Moskau über Sofia nach Königsberg mit einer kurzen Beschreibung von Moskau nebst meteorologischen und mineralogischen Beobachtungen. Berlin, 1793.

[2] *Sternberg J.* Bemerkungen über Russland auf einer Reise gemacht in Jahre 1792 und 93 mit statistischen und meteorologischen Tabellen. [Dresden], 1794.

[3] Aus einem Schreiben des Herrn Grafen Joachim von Sternberg von Petersburg, den 26. März dieses Jahrs. — Sammlung physikalischer Aufsätze, Bd 3. Herausg. von J. Mayer. 1793, S. 402—408.

[4] *Остроухов П.* Чешский путешественник о хозяйственном положении России в конце XVIII столетия. — Записки русского исторического общества в Праге, кн. 2. Прага, 1930, с. 83—93.

потому, что в отличие от большей части западных наблюдателей Штернберг не просто описывал виденное и не ограничивался восторженной апологией или, наоборот, безудержной критикой, а сделал попытку разобраться в сложной обстановке русской действительности 1790-х гг. При этом он проявил недвусмысленное сочувствие к народу, с возмущением описывал ужасы крепостного права и выражал уверенность в том, что крепостные добьются освобождения. Он неоднократно подчеркивал, что существующие в самодержавной России порядки наносят огромный вред хозяйственной жизни, тормозят развитие промышленного производства, влекут за собой низкие урожаи в деревне, нездоровый баланс внешней торговли и застой в предпринимательской деятельности. Все это, по наблюдениям И. Штернберга, пагубно отзывается прежде всего на уровне жизни основной части населения страны — крестьянства, которое вынуждено употреблять в пищу хлеб, смешанный с древесной корой. Возлагая главную ответственность за такое положение на царское самодержавие, И. Штернберг писал: «Я убежден, что хорошо развитая страна, попадающая под русское господство, пока оно остается тем, чем является в настоящее время, в короткое время лишится своего благополучия и впадет в горькую нужду».[5]

Полемическая страстность, чувство симпатии к простым людям, вера в светлое будущее России — все это невольно наводило на мысль о некоей личной или хотя бы косвенной причастности И. Штернберга к идейным поискам передовых людей России конца XVIII в., и прежде всего к А. Н. Радищеву. «В оценке социальных отношений Штернберг составляет примечательную параллель к Радищеву», — писал осторожно один из чешских авторов в 1949 г.[6] В последние годы этим кругом вопросов много и плодотворно занимался Я. Вавра.[7] Благодаря его усилиям не только расширился круг фактических данных о русских интересах И. Штернберга, но стало возможным получить более полное представление о его социально-экономической позиции. Я. Вавра правильно указал, что, осуждая екатерининскую, официальную Россию, полицейский режим которой он испытал на себе, Штернберг вместе с тем с чувством интереса и симпатии отнесся к жизни интеллигенции, средних слоев, предпринимателей и купечества, а также крепостного крестьянства. На примере критики И. Штернбергом крепостного права Я. Вавра вновь возвращается к возможному воздействию на чешского путешественника идей «Путе-

---

[5] *Sternberg J.* Bemerkungen..., S. 76.

[6] *Stefánek J.* Moskva v českém písemnictví od nejstarších dob do druhé světové války. Praha, 1949, s. 47.

[7] *Vávra J.* Česko-ruské vztahy v první etapě národního obrození. — In: Z bojů za svobodu a socialismus. Praha, 1961, s. 35—41; Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917. Praha, 1967, s. 18, 32—34; *Vávra J.* Čeští osvícenci a obrozenci o agrární otázce v Rusku. — Slovanské historické studie, sv. 9. Praha, 1972, s. 112—126.

шествия из Петербурга в Москву». Он пишет: «Хотелось бы верить, что петербургский друг Штернберга, купец Бландов, переводил ему страницы из книги Радищева».[8] Пока это еще предположения. Но мысль о каких-то параллелях, о каких-то возможных связях творчества великого русского революционера и чешского путешественника заслуживает дальнейшей разработки.

* * *

Граф Иоахим Штернберг принадлежал к дворянской семье, из которой вышло несколько лиц, оставивших след в истории и культуре чешского народа.

Он родился в Праге, с которой связана бóльшая часть его жизни. С детских лет Штернберг отличался любознательностью, любовью к книгам и естественным наукам. В 1790 г. он устанавливает связи с важным центром национально-просветительской идеологии — Чешским обществом наук, одним из видных и влиятельных членов которого был крупнейший славист Й. Добровский, в 1780-е гг. игравший ведущую роль в чешской радикальной журналистике.

В начале XIX в. И. Штернберг предпринял ряд путешествий, во время которых жадно присматривался к экономической и политической жизни стран, где ему довелось проезжать, изучал природные условия, развитие торговли и мануфактур, делал картографические съемки, вел метеорологические наблюдения, бывал в библиотеках, музеях, встречался с учеными и писателями. Он посетил Стокгольм (1792 г.), Париж (1801 г.), Лондон (1802 г.) и Южную Германию (1804 г.). Объездив почти всю Чехию, он побывал в горнодобывающих районах Венгрии и Словакии (1807 г.), а спустя год ездил в Триест и Далмацию. При этом с 1803 г. И. Штернберг был тяжело болен. Лишь неизбывная любознательность, сила воли и стремление довести задуманное до конца помогли ему осуществить намеченные поездки. 18 октября 1808 г. в возрасте 53 лет он скончался.[9]

Поездка в Россию без преувеличения — самая яркая страница в биографии И. Штернберга, а описания ее по глубине мысли и тонкости наблюдений не только не идут ни в какое сравнение с другими работами автора, но и поистине относятся к высшим достижениям чешской просветительской мысли конца XVIII в. Не считая нужным повторять обстоятельства путешествия Штернберга, хорошо известные по специальной литературе,[10] отметим

---

[8] *Vávra J.* Čeští osvícenci..., s. 122.

[9] *Dobrovsky J.* Joachim Graf von Sternberg. — Abhandlungen der königlichen böhm. Gesellschaft der Wissenschaften. Bd 2. Physikalisch-mathematische Theil zur Ausgabe vom Jahr 1809. Prag, 1811, S. 47—59; *Hanuš J.* Národní Museum a naše obrození. Praha, 1921, s. 177—182.

[10] *Francev V. A.* Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka do Ruska v letech 1792—1793. Praha, 1923.

вкратце лишь основные вехи его пребывания в России, существенные для понимания его позиции и созданных им описаний своего путешествия.

* * *

Штернберг отправился не один. Его спутником был Й. Добровский. Их путешествие поддерживалось Чешским обществом наук и имело научно-познавательный характер. Й. Добровский должен был ознакомиться в Стокгольме с чешскими рукописями, вывезенными шведами в годы Тридцатилетней войны, а также выявить необходимые для славистики источники в библиотеках и собраниях Петербурга и Москвы. Что касается Штернберга, то главная задача, стоявшая перед ним, заключалась в ознакомлении с природой, экономическими ресурсами, мануфактурами и торговлей Швеции и России. Оба путешественника отправились 15 мая 1792 г. и до Любека ехали вместе, после чего их пути разделились, чтобы на некоторое время встретиться в Стокгольме, а затем и в Петербурге, куда они прибыли 17 августа. Штернберг находился здесь ровно 7 месяцев, причем за это время совершил поездки по внутренним губерниям, в частности побывал в начале 1793 г. в Петрозаводске, Архангельске и окружающих районах. 17 марта, не получив официального разрешения и имея на руках поддельный паспорт, он отправился в Москву, но по прямому распоряжению Екатерины II был там остановлен и 14 апреля вернулся обратно. По дороге в Петербург за ним велось наблюдение, и, доехав только до Софии — в то время города рядом с Царским Селом, он вынужден был повернуть на запад, чтобы через Ямбург, Нарву и Ригу покинуть Россию. Таковы вехи русского путешествия И. Штернберга.

Исследователи давно уже заметили, что личность Штернберга вызывала у Екатерины II откровенное подозрение, усиленное некоторыми действиями чешского путешественника. Побывав на русском севере, он отправил императору Францу письмо с описанием местного горного дела и промышленности России, чем заслужил благодарность Франца, которая была передана Штернбергу через австрийского посла Л. Кобенцла, входившего в круг интимных друзей Екатерины. Сам Штернберг позднее крайне отрицательно охарактеризовал этого дипломата, неоднократно чинившего ему препятствия. Так или иначе, но Екатерина II заподозрила Штернберга в тайной переписке с венским двором. В связи с этим она запретила Штернбергу дальнейшие путешествия по стране, в том числе задуманную им поездку через Сибирь в Китай вместе с английской дипломатической миссией. С не меньшим беспокойством взирали на Штернберга местные власти. Их смущали и пугали казавшиеся непонятными наборы астрономических, метеорологических инструментов и лабораторное оборудование,

которые возили с собою Штернберг и сопровождавший его в путешествии немецкий химик и металлург В. Лампадиус.

Помимо этого, у царского правительства имелись более серьезные опасения политического свойства, на что впервые внимание обратил Я. Вавра.[11] Как указывалось выше, Штернберг приехал в Петербург в середине августа 1792 г., т. е. в самый разгар так называемого дела Н. И. Новикова. Не была ли поездка И. Штернберга, принимавшего участие в масонском движении, как-то сопряжена с попыткой установления контактов с русскими «мартинистами» — вопрос, который не могла не задавать себе русская самодержица. Тем более, учитывая стремление путешественника попасть в Москву, о которой позднее в своих отчетах о поездке в Россию он отзывался несравненно более тепло, чем об официальном Петербурге. Хотя он ни словом не упоминал при этом ни о русском масонстве, ни о Н. И. Новикове, умолчание это носило нарочитый характер, поскольку и он, и Й. Добровский знали о заточении Н. И. Новикова и выражали ему свое сочувствие. Знали они и о печальной участи А. Н. Радищева, за два года до этого сосланного в Сибирь. Едва ли, впрочем, И. Штернберг скрывал в разговорах, которые вел в России, свои симпатии, хотя и знал об антимасонских настроениях Екатерины II. О его симпатиях было известно и правительству. В архивном деле, касающемся высылки Штернберга, он назван иллюминатом, т. е. приверженцем наиболее рационалистического и радикального течения в европейском масонстве XVIII в. В официальном отношении, посланном из Петербурга 17 марта 1793 г. на имя московского главнокомандующего А. А. Прозоровского, говорилось, в частности, следующее: «. . . сей Штаренберг правил не весма честных, первое он как французы называют libre penseur, другое замешан он в секту освещенных illuminés, все сие известно самой ее имп. величеству».[12] В ответ А. А. Прозоровский доносил в Петербург 4 апреля о пребывании И. Штернберга в Москве, о встречах, которые тот имел здесь, в том числе о содержании беседы Штернберга с московским директором почт И. Б. Пестелем, отцом декабриста: «А как г-н Пестель человек усердный к службе ее имп. величества, то он мне сказывал, что он по натуре человек недальной, вообщем все разумеют его человеком ученым в части математики, а из оной к части физики особая его склонность. Он имел с собой математические инструменты и делал обсервацию. Пестель приметил из слов его проскакивающих, что он Россию не любит и развратно мыслит о многих вещах, а паче о правительствах, то есть на основании иллюминатов; проговаривал, что он с знатными не хочет делать знакомства, а с людьми среднего состояния. Жалуется на графа Кобенцеля, относя все неудовольствия, которые в России он имел, всю от его шикану к себе, за то, что граф

---

[11] *Vávra J.* Čeští osvícenci. . ., s. 113.
[12] ЦГАДА, ф. 7, № 2803, л. 1а.

Кобенцель не хорошо себя при высочайшем дворе в поведении своем располагает, и для того к нему никто должного уважения не имеет, о чем де венский двор к нему писал с неудовольствием, и он да сему причиной полагает его, а вместо де того двору венскому зделал замечание о сем граф Литта, и хочет жаловаться на него своему двору о всех случившихся с ним неудовольствиях, а к тому и мое письмо у венского двора представить».[13]

Отрывок этот, на который в свое время обращал внимание уже В. А. Францев,[14] весьма примечателен для характеристики не только настроений И. Штернберга, но и манеры его поведения в России. Как легко убедиться из слов А. А. Прозоровского, его «нелюбовь» касалась не страны — да это противоречило бы и тому, о чем чешский путешественник позднее писал в своих книгах, — а царского правительства и его политики; это полностью согласовывается с тем, что мы знаем о Штернберге. Московский главнокомандующий невольно отметил именно эту прогрессивную сторону позиции Штернберга, его стремление к контактам не с официальными и «знатными» лицами, а людьми «среднего состояния», т. е. как раз с теми, к кому обращались незадолго перед тем и А. Н. Радищев, и Н. И. Новиков. Наконец, существенно и то, что А. А. Прозоровский, на основании информации И. Б. Пестеля, недвусмысленно квалифицировал Штернберга как масона-иллюмината, тем самым прозрачно намекая на сугубую «опасность» задержки его в Москве, еще жившей недавними событиями и слухами, связанными с арестом Н. И. Новикова. Именно поэтому намек А. А. Прозоровского из цитировавшегося выше донесения следует непосредственно сопоставить с «Делом о расследовании масонских собраний», начатом 10 апреля 1792 г. и законченном только 20 октября следующего года; во время пребывания И. Штернберга в России, таким образом, пресловутое «дело» было в самом разгаре.[15] Насколько власти опасались каких-то недозволенных контактов чешского путешественника, видно хотя бы из того, что на обратном пути из Москвы у него была опечатана и на время даже изъята находившаяся при нем корреспонденция.[16] Это свидетельствовало о том, что Екатерина II видела в Штернберге не обычного иностранного путешественника, а политически неблагонадежное лицо. Насколько была она права в своих подозрениях — вопрос иного рода. Но, думается, масонство Штернберга занимало здесь не последнее место. Кроме того, было известно, что другой чешский аристократ, игравший заметную роль в австрийской политической жизни, граф И. Хотек имел личные связи в ближайшем окружении цесаревича Павла Петровича,[17] а ведь именно стремление «уловить» последнего

[13] Там же, л. 3 об.
[14] *Francev V. A.* Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka..., s. 40—42.
[15] Моск. гос. ист. архив, ф. 16, оп. 29, № 64.
[16] *Vávra J.* Čeští osvícenci..., s. 116.
[17] *Vávra J.* Česko-ruské vztahy..., s. 35.

фигурировало в качестве важнейшей причины ареста Н. И. Новикова. Любопытно вместе с тем заметить, что и он, и А. Н. Радищев проявляли определенный интерес к политическим и правовым институтам габсбургских, в том числе чешских земель.

Названные выше труды И. Штернберга, к которым Я. Вавра добавил одно, еще неопубликованное письмо чешскому естествоиспытателю Т. Груберу, посланное в Прагу из Петербурга 10 марта 1793 г.,[18] до сих пор рассматривались по большей части как источник к истории путешествия И. Штернберга в Россию и его социально-экономических и, в меньшей степени, политических и культурных взглядов. При этом исчезал, как правило, другой аспект — рассмотрение их как самостоятельных литературно-публицистических произведений в ряду аналогичных трудов того времени.

Все сочиненное Штернбергом о России написано в форме писем.

Первая по времени издания книга «Путешествие из Москвы через Софию в Кенигсберг с кратким описанием Москвы и приложением метеорологических и минералогических наблюдений» невелика по объему — в ней всего 46 страниц.

Ни одно из писем не имеет названия, хотя по содержанию они поддаются условному обозначению. Начинается «Путешествие» с письма, в котором автор кратко рассуждает о дороге из Петербурга и более подробно о том, что он увидел в Москве. Одновременно И. Штернберг размышлял о соотношении Петербурга и Москвы, уделяя описанию последней основное внимание.

Кратко охарактеризовав промышленность и коммерцию, И. Штернберг обращается к культурной жизни Москвы, которую описывает в сочувственных тонах.

Во втором письме И. Штернберг рассказывает об отъезде из Москвы, хотя и не останавливается специально на подробностях своей высылки. Основное содержание письма — описание виденных по дороге городов и деревень. Штернберг обращает внимание на тяжелое положение крепостного крестьянства, на плохую обработку земли и общую бедноту сельского населения деревни.

Многие мысли этой части книги получили дальнейшее развитие в третьем письме, в котором И. Штернберг размышлял о роли науки и культуры вообще в жизни народа. Хотя И. Штернберг, возможно по цензурным соображениям, и не упоминал о просветительской и издательской деятельности Н. И. Новикова, а тем более о А. Н. Радищеве, рассуждения его о недостатках книжного дела в современной ему России нельзя расценить иначе, как завуалированную критику реакционной политики царизма и лично Екатерины II в вопросах просвещения, что он ставил в тесную связь с общим внутриполитическим курсом правительства.

Вторая книга И. Штернберга «Замечания о России на осно-

---

[18] *Vávra J.* Čeští osvícenci..., s. 117—118.

вании путешествия, предпринятого в 1792 и 1793 гг. с приложением статистических и метеорологических таблиц» также построена в форме писем. Она состоит из пяти писем, причем каждое имеет наименование: «Введение», «Климат», «Классы общества», «Коммерция» и «Описание Петербурга». Если в «Путешествии» автор обращался к неназванному адресату, сохраняя таким образом впечатление интимности переписки, к тому же точно датированной, то в «Замечаниях» этот прием не применяется и организация материала в виде писем носит откровенно условный характер. Фактически это научно-публицистический трактат, к которому приложены обширные статистические таблицы с данными о русском экспорте и импорте за 1742—1791 гг., о денежном курсе 1781 г. и о составе купеческих фирм, ведущих внешнюю торговлю.

Едва ли не наиболее значительный интерес и по существу, и с точки зрения характеристики взглядов автора представляет третье письмо, касающееся социальных отношений в русском обществе. Главное, что бросается в глаза путешественнику, писал Штернберг, это экономическая скудость и плохое использование природных богатств страны, бедность деревни и незаинтересованность земледельца в лучшей обработке почвы. Однако И. Штернберг не склонен относить это только за счет нерадивости или лени русских крестьян. «Эта местность, которая требует помощи человеческого труда и прилежания, населена людьми, столь же мало озабоченными тем, чтобы иметь собственность, как и остальные классы общества под российским господством, и не знающими иного учителя, кроме русского кнута».[19] И. Штернберг иронически отзывался о той апологетической литературе, «в которой <. . .> читал все время о благосостоянии, богатстве и счастливой судьбе» простого народа в России, в то время как видел ужасающую нищету деревни, дороговизну и низкое качество основного предмета питания — хлеба, закопченные курные избы, изможденных людей. Он подвергал осуждению показной характер политики Екатерины II и несостоятельность прославлявших ее авторов. В этой связи Штернберг сделал замечание, которое можно расценить как намек на судьбу А. Н. Радищева и Н. И. Новикова. Касаясь апологетической книги А. Гуппеля «Опыт о государственном устройстве России» (Рига, 1791), восхвалявшей свободу и благосостояние, которые будто бы царят в русской деревне, И. Штернберг писал: «Подумать только, из каких мест извлекает он свои известия, однако читатель знает уже заранее, какую правду добудет он из чтения книги, написанной в империи, где кнут одновременно является руководителем пера и великая русская Бастилия, пустынная Сибирь, достигает писательского стола».[20] А ведь именно там, в этой «великой рус-

---

[19] *Sternberg J.* Bemerkungen. . ., s. 65.
[20] Там же, с. 80.

ской Бастилии», находился как раз во время путешествия И. Штернберга А. Н. Радищев, а в Шлиссельбургской крепости томился Н. И. Новиков! Главную причину отсталости России Штернберг видел в крепостном праве и подробно описывал царивший произвол помещиков и властей. В «Замечаниях» приводятся примеры торговли крепостными, самодурства их господ, проигрывающих в карты целые семьи и деревни, относящихся к крепостным как к рабам. Штернберг подчеркивал, что крепостное право не только налагает оковы на экономику страны, но и извращает общественную мораль.[21]

В то же время суждения И. Штернберга о русской деревне проникнуты чувством симпатии к крестьянам. Он живо интересовался их бытом и обычаями, о чем, например, свидетельствовало подробное описание крестьянской свадьбы в Олонецкой губернии — самое раннее описание такого рода, известное в настоящее время. Описание свадебного обряда дает повод И. Штернбергу, с одной стороны, сравнить его с принужденным весельем во дворцах знати и, с другой — подметить близость русских обычаев «нашим старым славянским». Подчеркивая понравившиеся ему качества русского народа, И. Штернберг выразил убежденность, что они получат успешное развитие сразу же, как только народ «будет предоставлен самому себе», т. е. после отмены крепостного права, в чем он не сомневался.[22] По силе обличения и глубокому чувству симпатии к русским крепостным соответствующие разделы третьего письма Штернберга, по наблюдениям Я. Вавры, необычайно схожи с аналогичными мыслями, высказанными в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.[23] Хотя, добавим мы, в классовом отношении позиция дворянского просветителя-реформатора И. Штернберга конечно далека от смелой и радикальной программы А. Н. Радищева.

Сопоставляя обе книги И. Штернберга, можно заключить, что композиционно они сходны, хотя «Замечания» (их объем приближается к 200 страницам) подробнее «Путешествия», содержат более широкий круг вопросов и отличаются большей силой обличения режима Екатерины II. Создается впечатление, что материалы этой книги как бы «отстоялись» в голове И. Штернберга, в то время как «Путешествие» написано по горячим следам поездки и отличается большей непосредственностью впечатлений, хотя и менее детально осмысленных по сравнению с «Замечаниями».

Продолжая наши наблюдения, можно было бы обнаружить и некоторое сходство архитектоники названных книг с «Путешествием» А. Н. Радищева, в композиции которого исследователями отмечались некоторые элементы эпистолярной формы. Обращает

---

[21] Там же, с. 79, 84.
[22] Там же, с. 94.
[23] *Vávra J.* Čeští osvícenci..., s. 122.

также на себя внимание сходство заглавия первой книги И. Штернберга с трудом А. Н. Радищева. Совершив, если брать естественную последовательность событий, путешествие сперва из Петербурга в Москву, а потом обратно до Софии и далее на Запад, Штернберг описал только обратную поездку, в связи с чем раздел, посвященный Петербургу, был им закономерно включен не в «Путешествие», а в последовавшие за ним «Замечания». Любопытно, что в начале первого письма «Путешествия» И. Штернберг счел нужным объяснить, почему он избрал именно прием «описания с конца»: по дороге из Петербурга в Москву он «не мог делать никаких записей, которые заслуживали бы быть сообщенными», ввиду быстрой езды, из-за которой «окружающие картины только мелькали перед глазами». Но допустимо ли полностью доверяться этим словам? Не являются ли они литературным приемом? В самом деле, сам автор писал, что не мог сделать записей, которые были бы интересны его воображаемому адресату, читателю книги. Но означает ли это, что он вообще не вел никаких записей для себя, тем более что время у него было: ведь быстрая езда чередовалась, по признанию И. Штернберга, с долгим ожиданием смены лошадей на станциях. Скорее можно предположить, что описание обратной поездки из Москвы было выбрано И. Штернбергом сознательно, чтобы не просто описать виденное, а подчеркнуть вынужденный характер его отбытия из страны. София, Тосно, Любань, Чудово, Торжок, Городня, Клин. . . — были вехами путешествия А. Н. Радищева. Клин, Тверь, Городня, София. . . — в таком порядке излагал свои дорожные впечатления и мысли о России и ее народе И. Штернберг. Но если это так, то не связано ли «Путешествие» Штернберга по замыслу каким-либо образом с «Путешествием» А. Н. Радищева?

Как вытекает из первого письма штернберговского «Путешествия», он придавал значение принятому порядку описания поездки, обратному реально осуществленному маршруту. Может быть, он думал и о сопоставлении авторских судеб? За свое «Путешествие» А. Н. Радищев поплатился ссылкой в Сибирь, а И. Штернберг за свою поездку — выдворением в Пруссию. Если наши предположения, основанные на сопоставительном анализе обоих произведений, справедливы, то «Путешествие» И. Штернберга следовало бы рассматривать как своего рода продолжение, «второй том» «Путешествия» А. Н. Радищева. При этом становится более понятным не только идейно-художественный замысел книги Штернберга, но и несомненное сходство или даже частичное совпадение его взглядов на политику царского самодержавия и положение крепостных со взглядами А. Н. Радищева. Сказанное заставляет вновь обратиться к предположению Я. Вавры о том, что Штернберг знал или мог знать запрещенную книгу великого русского мыслителя-революционера.

* * *

Давно уже отмечено, что И. Штернберг и его спутник по поездке Й. Добровский знали об участи А. Н. Радищева. Более того, они могли быть осведомлены о ней еще до прибытия в Россию. Долгое время первые сведения о деле Радищева за рубежом относились к 1798 г. После обнаружения краткого сообщения о нем в номере грайфсвальдского журнала «Новейшие критические известия» от 2 октября 1790 г. стало очевидным, что информация проникла в Германию очень скоро, всего спустя несколько недель после ареста автора «Путешествия из Петербурга в Москву».[24] Попав в Петербург, И. Штернберг, по собственному указанию, накупил много книг о России,[25] стало быть, проявлял к ним повышенный интерес. Едва ли в таком случае он, даже не владея русским языком,[26] прошел мимо запрещенной книги А. Н. Радищева, о которой мог слышать, тем более что последний успел подарить несколько экземпляров ее своим знакомым.[27] Среди них находился А. Вицман, которого А. Н. Радищев знал по пребыванию в Лейпциге. Между прочим, А. Вицману приписывается авторство памфлета, пародийно изображающего один из реальных эпизодов жизни екатерининского двора — «Погребение собачки» (1805), в подзаголовке которого значится: «Послание к одному другу из Праги в Вену». В этой брошюре, изданной в Петербурге и выдержанной в духе антикрепостнической литературы, обращает на себя, в частности, внимание, что в качестве места отправления письма названа Прага.[28] В сочетании с некоторыми другими фактами[29] можно заключить, что на рубеже XVIII—XIX вв. между русской и чешской средой существовали связи более тесные, чем обычно предполагается. Одним из каналов таких связей могло в эти годы стать масонство.

То, что масоном был И. Штернберг, уже отмечалось. Именно это обстоятельство, лично известное Екатерине II, фигурировало

---

[24] См.: *Рааб Х.* Первое упоминание о деле А. Н. Радищева в печати. — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 538—539.

[25] *Sternberg J.* Reise..., S. 33.

[26] Мы не располагаем сведениями о степени знакомства И. Штернберга с русским языком. Как человек живого ума, он, несомненно, проявлял к нему интерес и, возможно, понимал отдельные слова. В «Замечаниях» он приводил перечень русских рек и озер, пригодных для судоходства и промыслового рыболовства, сопровождая их, в частности, названиями рыб не только на немецком и латинском, но и русском языках (с. 114—119, 122—124). Не следует упускать из вида, что спутником И. Штернберга был один из основоположников славяноведения Й. Добровский, автор первого печатного чешско-русского словаря.

[27] См.: *Берков П. Н.* Материалы для биографии А. Н. Радищева. I. Кому подарил Радищев экземпляры «Путешествия». — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, с. 222—223.

[28] См.: *Vavra J.* Ruský zájem o tereziánsko-josefínské agrární reformy. — In: Sborník historický, sv. 19. Praha, 1972, s. 177—178; *Берков П. Н.* Материалы для биографии А. Н. Радищева, с. 224.

[29] Dějiny česko-ruských vztahů, s. 47; *Vávra J.* Čeští osvícenci, s. 103—104.

среди причин, по которым царскому правительству, только что расправившемуся с «мартинистом» Н. И. Новиковым, чешский путешественник-«иллюминат» казался сугубо подозрительным. Ибо была опасность установления им обратной связи — с единомышленниками в России, так или иначе контактировавшими в недавнем прошлом с Н. И. Новиковым и А. Н. Радищевым. Правда, с вопросом об отношении последнего к масонам обстоит сложнее. Хотя в ряде случаев А. Н. Радищев полемизировал с мистическими направлениями в русском масонстве,[30] менее всего уместными представляются поспешные суждения, сводящиеся к полному отлучению А. Н. Радищева от связей с масонским движением вообще.[31] Не говоря уже о сложном и глубоко противоречивом характере масонства,[32] вопрос сводится не столько к личному участию А. Н. Радищева в масонских «работах», сколько к более широкой теме его общественных связей с масонской средой. Характерно, что в своих известных замечаниях по прочтении «Путешествия» Екатерина II именовала автора не только «бунтовщиком хуже Пугачева», но «мартинистом». Смысл этих слов, конечно, можно истолковать по-разному. Но нельзя, например, без специальной проверки отмахнуться от утверждения, что какая-то «масонская ложа помещалась в доме Радищева».[33] А посвящение «Путешествия из Петербурга в Москву» масону А. М. Кутузову, независимо от оговорки автора, что их мнения «о многих вещах различествуют», является неоспоримым фактом (I, 227).[34] Все это говорит в пользу того, что сведения о деле Радищева и о его книге могли иметь дополнительный стимул к распространению в масонских кругах, причем не только в России. Конечно, это пока предположение, но предположение вполне вероятное и заслуживающее дополнительной проверки.

Пока же дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на вопрос о вероятной осведомленности И. Штернберга о книге А. Н. Радищева не представляется возможным. Для этого необходимо предпринять самостоятельное, доскональное изучение русского периода жизни Штернберга, установить круг его знакомств, прежде всего в Петербурге, где особенно хорошо помнили о судьбе А. Н. Радищева. К сожалению, сведения такого рода скудны и в настоящее время ограничиваются сочинениями самого Штерн-

---

[30] См.: *Татаринцев А. Г.* Радищев и масоны. — Науч. ежегодник Саратовск. ун-та за 1955 год. Отд. 3, 1958, с. 52.

[31] См.: *Рогов И. М.* К вопросу о «масонстве» А. Н. Радищева. — Вестн. Ленингр. гос. ун-та, 1958, № 20, с. 153—154.

[32] См., например: История русской литературы. Т. 4. Литература XVIII в., ч. 2. М.—Л., 1947, с. 59; *Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 285.

[33] ИРЛИ, ф. 275 (В. П. Семенников), оп. 1, № 10, л. 51 об.

[34] Особого изучения заслуживает проблема взаимоотношений между А. Н. Радищевым и Н. И. Новиковым, включая их масонские интересы. См.: *Семенников В. П.* Радищев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923, с. 208—209.

берга и теми архивными документами, которые были введены в научный оборот еще В. А. Францевым.

Известно, что в Петербурге Штернберг жил в «Hotel de Londres»[35] и вместе с Й. Добровским посещал Академию наук, где беседовал с академиками П. С. Палласом и И. Г. Стриттером.[36] Темой их разговоров были, несомненно, проблемы естествознания, лингвистики и истории, соответствовавшие кругу научных интересов этих ученых. И хотя в их архивных материалах сведения об этих встречах не сохранились,[37] П. С. Паллас рекомендовал И. Штернберга профессору московского университета И. Гейму, занимавшемуся историей, филологией, статистикой (Гейм прибыл в Москву в 1779 г., первоначально в качестве домашнего учителя А. А. Лопухина). В донесении А. А. Прозоровского от 4 апреля 1793 г. указывалось: «Университета профессору Гейму рекомендован он от профессора Палласа не чрез письмо, но словесно, как Паллас ехал через Москву».[38] Но Штернберг располагал еще рекомендательными письмами: к директору почт И. Б. Пестелю от шведского капитана Норберга, к английскому купцу в Москве Дикенсону и к казначею ассигнационного банка от петербургского купца С. Ф. Бланда.[39]

Письма, по-видимому, носили достаточно доверительный характер, так как этим в значительной мере можно объяснить откровенность в высказывании Штернбергом своих взглядов И. Б. Пестелю, которого он видел впервые и о котором затем тепло вспоминал в своем «Путешествии».[40] По иронии судьбы о содержании их беседы мы узнаем из рапорта А. А. Прозоровского, ссылавшегося в свою очередь на информацию И. Б. Пестеля, человека усердного «к службе ее имп. величества». Зато и капитан Норберг, и купец Бланд заслуживают того, чтобы сказать о них несколько подробнее.

В донесении А. А. Прозоровского указывалось, что автор рекомендательного письма к И. Б. Пестелю, шведский капитан Норберг, «был при заводах у Походяшина, а теперь должен быть в Петербурге».[41] Оговорка многозначительная, поскольку имя братьев Походяшиных, богатых сибирских заводчиков, было хорошо известно Екатерине II. Младший из двух братьев, Г. М. Походяшин, в 1785 г. познакомился с Н. И. Новиковым, а вскоре стал его ближайшим другом и единомышленником. Это он в 1787 г. безвозмездно передал Н. И. Новикову 50 тыс. руб. на организацию помощи крестьянам, страдавшим от неурожая и голода. Спустя

---

[35] *Sternberg J.* Bemerkungen..., s. 78.

[36] Dějiny česko-ruských vztahů, s. 23.

[37] Нами были просмотрены бумаги П. С. Палласа и И. Г. Стриттера, хранящиеся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР.

[38] ЦГАДА, ф. 7, № 2803, л. 3.

[39] Там же, ср.: *Francev V. A.* Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka..., s. 42.

[40] *Sternberg J.* Reise..., s. 14.

[41] ЦГАДА, ф. 7, № 2803, л. 3.

несколько лет у Походяшина рождается замысел оказания материальной помощи Н. И. Новикову для полной перестройки его книгоиздательской и книготорговой деятельности, что было оформлено особым соглашением в ноябре 1791 г., т. е. всего за несколько месяцев до ареста Н. И. Новикова. Для этого Г. М. Походяшин уговорил старшего брата продать принадлежавшие им металлургические и винокуренные заводы в казну с тем, чтобы причитающуюся ему часть вырученного капитала передать Н. И. Новикову. Их предложение рассматривалось в Совете в апреле 1791 г., причем бумаги о покупке были внесены сюда «по высочайшему ее имп. величества соизволению». После ареста Н. И. Новикова имя Г. М. Походяшина неоднократно упоминалось в следственном деле. О финансовых отношениях его с Н. И. Новиковым Екатерина II прямо запрашивала А. А. Прозоровского в вопросных пунктах 11 февраля 1792 г. А параллельно в Тайной экспедиции на Г. М. Походяшина завели досье, материалы которого были в ноябре 1793 г. суммированы в отдельной записке.[42] Из сказанного легко заключить, что рекомендательное письмо Штернбергу было написано Норбергом как раз в те месяцы, когда особенно активно велось разбирательство по делу Новикова, а заодно и поминалось имя одного из владельцев заводов, где ранее служил шведский капитан. Неудивительно, что А. А. Прозоровский не мог упустить такую компрометировавшую, по его мнению, Штернберга деталь в рапорте.

Другим лицом, давшим рекомендательное письмо чешскому путешественнику и упомянутым в бумагах А. А. Прозоровского, был петербургский купец Бланд. Он оказывал содействие не только Штернбергу. Несколькими месяцами ранее при отъезде Й. Добровского в Москву в октябре 1792 г. С. Ф. Бланд также снабдил его рекомендательным письмом и короткое время состоял с чешским ученым в переписке, проникнутой чувствами взаимной симпатии и, что существенно, определенного взаимопонимания. Так, в ответ на одно из писем Й. Добровского с изложением дорожных впечатлений С. Ф. Бланд подчеркивал: «Ваше описание страны, населения и его обычаев, равно как и прекрасных памятников кажется полностью отвечающим моим мнениям».[43] Эти строки примечательны в первую очередь для характеристики облика самого С. Ф. Бланда, явно перерастающего рамки представления о нем как о рядовом коммерсанте. Кто же такой С. Ф. Бланд? В. А. Францев, впервые упомянувший его письма в связи с русским путешествием Й. Добровского и И. Штернберга, называл его совладельцем крупной петербургской торговой фирмы «Братья

---

[42] Подробнее см.: *Громыко М. М.* Г. М. Походяшин в «Дружеском ученом обществе» Н. И. Новикова. — В кн.: Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974, с. 259—298.

[43] См.: *Francev V. A.* Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka..., s. 10.

Бланды», как раз в те годы развернувшей свою деятельность в Петербурге. В «Ведомости о записавшихся в санктпетербургское купечество разных лиц» 1785 г. числится купец третьей гильдии Иван Иванович Бленд.[44] К 1792 г. капитал фирмы составил, по сообщенным ею сведениям, 10 700 руб., а в 1793 г. — 11 000 руб., причем основным владельцем был все тот же купец, именуемый, однако, в «Ведомости именитым гражданам и купцам первой и второй гильдии» 1793 г. купцом уже не третьей, а первой гильдии Иоганом Якобом Бландом.[45] На его имя, по-видимому, и был записан капитал, так как С. Ф. Бланд в этих документах не упоминается. Они были людьми передовых по тому времени настроений, о чем красноречиво свидетельствовало письмо русского посла в Англии С. Р. Воронцова от 20 (31) октября 1794 г., с которым он обратился к Екатерине II: «После самих французов нет нации, за которой должны так крепко надзирать, как за немецкою; ибо Вы не можете, всемилостивейшая государыня, себе представить, до какой степени купечество и мещанство во всей Германии заражено правилами французской демократии. При сем случае мне нельзя не донести Вам, что прошлою весною был здесь в Англии один купец, называемый Бландо, родом из Штетина в Померании, и который <. . .> записался в русское купечество и здесь назывался русским. Он здесь имел связи с самыми подозрительными людьми и кои делают дела с Франциею. Разъезжая по здешним городам, а наипаче в Бате, он говорил как якобинец и уверял, что в Лифляндии и в разных местах России народ ожидает с нетерпением, чтоб взбунтоваться. Многие из моих знакомых и приятелей, кои были тогда в Бате, возвратясь в Лондон, меня о сем уведомили».[46] Письмо С. Р. Воронцова было написано спустя полтора года после выдворения из России И. Штернберга. Но если внимательно вчитаться в его смысл, то без особого труда можно обнаружить сходство общих настроений Бланда и чешского путешественника: «иллюминат» Штернберг и «якобинец» Бланд на многое смотрели одинаково. А слова последнего о том, что в России «народ ожидает с нетерпением, чтоб взбунтоваться», напоминали не только о «Путешествии» А. Н. Радищева, но и о книгах Штернберга. Здесь и проходило силовое поле их взаимного расположения, послужившее одной из причин выдачи С. Ф. Бландом рекомендательного письма И. Штернбергу.

Так понемногу расширяются представления о цепочке русских связей И. Штернберга, который, по верному замечанию А. А. Прозоровского, хотел в первую очередь свести знакомство «с людьми среднего состояния». И масонские каналы, как отмечено выше,

---

[44] Ленингр. гос. ист. архив, ф. 221, оп. 1, № 104, л. 3. Ранее этого года братья Бланды в документах о составе петербургского купечества не значатся (ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 556). Документы тех лет содержат различное написание их фамилии: Бланд, Бленд, Бландо, Бландау.

[45] ЛГИА, ф. 221, оп. 1, № 152, л. 5.

[46] Архив кн. Воронцова, т. 9. М., 1876, с. 384—385.

играли определенную роль в налаживании таких контактов, в создании вокруг Штернберга своего рода микроклимата, позволявшего ему лучше ориентироваться в незнакомой стране.

Будучи в России, Штернберг вращался не в великосветских кругах, к которым по происхождению и социальному положению на родине принадлежал; с психологической точки зрения примечательно, что его нежелание «с знатными <. . .> делать знакомства» не только бросалось в глаза царской бюрократии, но и в ряду прочих причин усугубляло ее подозрительное отношение к И. Штернбергу. Он общался с учеными и людьми «среднего состояния», с теми, кто был ему близок по интересам или роду занятий. А как раз в этой среде Штернберг имел полную возможность получать необходимую информацию о Н. И. Новикове и А. Н. Радищеве, о новейших событиях духовной жизни русского общества и, судя по сделанным ранее наблюдениям, в какой-то форме узнать о содержании «Путешествия из Петербурга в Москву».

Дальнейшее изучение поднятых вопросов, обнаружение дополнительных источников, в чем теперь уже не приходится сомневаться, позволит пролить новый свет на проблемы, представляющие значительный интерес как для русской литературы XVIII в., так и для истории чешско-русских связей эпохи Просвещения.